

КИРИЛЛ РЯБОВ

РОМАН

Содержит
нецензурную
брань

18+

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Кирилл Рябов

777

**Серия «Книжная полка
Вадима Левенталья»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65407426

К. Рябов. 777: ИД «Городец»; Москва; 2021

ISBN 978-5-907358-56-0

Аннотация

Кирилла Рябова сравнивают с Хармсом и Камю, говорят, что он Балабанов в современной литературе, называют главным писателем своего поколения. Роман «777» подтверждает эту репутацию. Внезапное счастливое событие – ошибка банкомата, выдавшего главному герою баснословную сумму, – запускает череду событий, насколько страшных, настолько же и/смешных. Гай Ричи с инъекцией русской хтони.

Содержит нецензурную брань!

Содержание

1	5
2	11
3	16
4	26
5	33
6	41
7	47
8	52
9	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Кирилл Рябов

777

© К. Рябов, 2021

© ИД «Городец», 2021

© П. Лосев, оформление, 2021

* * *

Папаша хотел, чтобы я работал забойщиком на местной скотобойне.

– Ты подумай! – говорил он. – Дадут тебе кувалду, фар-тук, сапоги, пустят навстречу стадо коров, а ты знай лупи их промеж рогов.

Мне это не нравилось. Я любил животных. И совершенно не хотел бить несчастных коров кувалдой по голове.

– Вот закончишь ПТУ, я тебя сразу и пристрою, – обещал папаша. – Платят там немного, зато всегда будет свежее мя-со.

Обычно я помалкивал в ответ. Думал: «Вот закончу ПТУ, ноги моей здесь не будет». Но раз не утерпел:

– Отец, – сказал я. – Не хочу я бить коров кувалдой по голове. Я хочу быть певцом.

– Очумел?! – выкатил глаза папаша. – Они же пидорасы все. Заднеприводные все. Их же газом надо травить, газом.

Папаша музыку не слушал. Да и книжек он не читал. А только целые дни напролёт лежал на диване, таращился в телевизор и чесал то брюхо, то яйца. О том, чтобы самому устроиться на работу, он и не думал. «Была бы мама жи-ва...» – частенько думал я к месту и не к месту. В основном не к месту. До сих пор удивляюсь: на что мы тогда жили? Холодильник вечно был пустой. Когда становилось совсем уж

невмоготу, я брал папашин рюкзак и ехал к бабушке. У бабушки был огород, и она никогда не отказывалась дать свежих и маринованных овощей. В свободное время я подрабатывал где придётся. То сторожем, то дворником, то грузчиком на кирпичном заводе. Получал копейки, которые тут же куда-то утекали. Окончил ПТУ по специальности автослесаря, но никуда пристроиться так и не смог. Город был маленький, на всю округу имелась лишь одна мастерская. Ну кто меня туда возьмёт?! Время выдалось смутное. В Москве танки лупили кумулятивными снарядами по парламенту. Мой приятель по ПТУ Гена Мохов по прозвищу Махно как раз вписался в рэкетирскую бригаду. Немного подумав, пошёл в бандиты и я. До авторитетного бойца не дорос. Бригада оказалась хилой. Наехали на одного барыгу, у которого оказалась ментовская крыша. Я и глазом моргнуть не успел, как менты устроили моим подельникам кровавую баню. Только и остались – я да мой пэтэушный приятель, который тут же на всякий случай лёг в психушку. Всё, что сохранилось на память о тех временах – оловянный кастет, поддельная золотая цепь да шрам на подбородке, который я получил в драке с конкурентами. Я остался не у дел. Думал, может, правда податься на скотобойню? Буду выпивать перед сменой полбутылки водки, чтобы не видеть грустные коровьи глаза с поволокой, чтобы не снились они мне потом по ночам. Но всё-таки никуда не пошёл. Странное дело, долбануть молотком по голове человека я, наверное, смог бы, а вот корову... При-

шлось опять впрягаться в лямку грузчика на местном кирпичном заводе. Мускулы я там себе накачал будь здоров, а вот мечту загубил. Как-то зимой меня сильно продуло. Полтора месяца я провёл на больничном. Что-то случилось с голосовыми связками. Голос стал хриплым. Но новый Высоцкий из меня не получился. Стоило затянуть какую-нибудь песенку, звук выходил такой, будто кричала собака, с которой сдирают шкуру. Мечты стать певцом пришлось закопать. Как бандитского бригадира Костю-Топора, которого менты пристрелили во время задержания.

И вот мне почти сорок. И к чему я пришёл? Женился на продавщице. Работаю поваром в забегаловке под названием «Повелитель гамбургеров». Никто меня не любит – ни жена, ни пасынок. Большую часть копеечной зарплаты отдаю жене, которая берёт деньги с таким видом, будто я принёс ей коробку с мёртвыми котятками. Папаша умер. Бабушка умерла. Дом в деревне сгорел. А участок земли был муниципальным. Единственная радость, которая осталась – запереться в ванной, включить на полную катушку воду и под эту музыку тихонько напевать какую-нибудь песню. Хотя какая в этом радость? Одно только горе. Плач по несбывшимся надеждам.

Правда, пару лет назад у меня случился заскок. В один ресторан требовался певец, исполнять всякую муть, типа той, что гоняют на «Авторadio». Я подумал, что это шанс. Для начала можно было заработать денег. А потом глядишь... Моя омертвевшая мечта вдруг на короткое время ожила. За-

быв про покалеченные голосовые связки, я поехал на прослушивание. Помню, как перед этим сказал жене Ларе фразу, глупее которой сложно придумать.

– Скоро всё изменится.

– Что изменится-то? – спросила жена, зевая.

Я постарался придать лицу загадочное выражение и промолчал. Правильно сделал. Иначе потом от унижения пришлось бы перерезать себе горло.

Прослушивал меня толстопузый мужик, с жирными волосами, зачёсанными назад.

– Репертуар караоке знаете? – спросил он.

– На зубок, – ответил я.

Он включил проигрыватель. Сначала мне повезло. Заиграл «Владимирский централ». Эту песню я и правда хорошо знал. Но дальше всё пошло наперекосяк. Я не спел и половины первого куплета, как мужик выключил проигрыватель.

– Что это? – сказал он. – Ты что, Луи Армстронга из себя корчишь, что ли?

– Я никого не корчу, – ответил я, продолжая держать микрофон у рта. – Это просто у меня голос такой.

Пару секунд он молчал. Я надеялся, что будет вторая попытка. Но мужик сказал куда-то в сторону:

– Следующий!

Следующего не оказалось. Но меня всё равно прогнали со сцены.

От такой жизни у меня и член толком не стоял. Жена не

возбуждала. И, похоже, это чувство было взаимным. Примерно раз в три недели, иногда реже, но никак не чаще, мы забирались под одеяло и торопливо спаривались. Никакого удовольствия. Только стыд и отвращение. Бывало, я включал компьютер пасынка, когда никого не было дома, открывал папку «учёба», затем папку «Big tits» или «Gangbang» и торопливо гонял. Стоило, конечно, задуматься о психике мальчика, у которого в пятнадцать лет имелась коллекция из пятисот порнографических роликов. Но, во-первых, пацан был мне не родным и отношения у нас сложились скорее как у соседей по коммунальной квартире, а во-вторых, мне совсем не хотелось тратить остатки своей пропащей жизни на то, чтобы спасти его душу. Тем более что он называл меня за глаза то «бараном», то «пендосом».

Кроме всего прочего, я практически не сомневался, что у жены есть любовник. Я бы и сам давно завёл кого-нибудь на стороне, да только никто, кроме патрульных ментов, мною не интересовался. Эти гады так и норовили отволочь меня в пикет и опустошить карманы. Видимо, кратковременное бандитское прошлое оставило отпечаток на моём не самом симпатичном лице.

Иногда по ночам я молился, пытаюсь одновременно представить, как в этот момент выглядит Бог, слушающий мой нытьё. «Господи, сделай что-нибудь для меня, совсем чуть-чуть, я не прошу много, хотя бы плюнь в меня своей божественной слюной, дай мне шанс, что угодно, я не знаю, что

именно, тебе виднее, ты старый и мудрый, ты милостив к падшим, а я упал и никак не поднимусь, это, конечно, не сравнить с умирающими от голода и жажды африканскими детьми, с замученными на скотобойне коровами, которых ты создал вовсе не для того, чтобы мы их убивали кувалдами и электрическим током».

Я путался в словах и засыпал. А Бог снисходительно улыбался. Это я видел отчётливо.

Было обычное утро. За окном сыпал мелкий снежок. Наступил март, но весна не спешила приходить. То заморозки, с пронизывающим ветром, то оттепель с мокрым снегом. Никакого солнца, никакого тепла, никакого цветения. Всё как в моей жизни.

Я собирался на работу в свою забегаловку. Сегодня мне должны были начислить зарплату. Мои жалкие десять тысяч рублей. Правда, каждый раз, когда купюры вылезали из щели банкомата, сумма не казалась мне такой уж жалкой. Впрочем, это длилось не долго. Стоило заглянуть в магазин, потом отсчитать жене её часть, и я снова начинал жить ожиданием следующего начисления. И суток не проходило. Это было обидно и унижительно. Я даже сочинил двестишестидесятишесть по этому поводу: «Когда иду я за зарплатой, хочу иметь с собой гранату». Только вот что я мог ей взорвать? Себя?

На кухню, где я варил себе на завтрак яйца, выглянула Лара.

– Убери говно за котом, – сказала она и ушла в ванную.

Мы уже давно не желали друг другу доброго утра. Я открыл дверь ванной. Лара чистила зубы моей щёткой, склонившись над раковиной.

– Ты не видишь разве, что я занят? Готовлю себе завтрак, – сказал я.

– Не волнуйся, пожрать ты всегда успеешь, – ответила она, сплюнув пасту. – Я этого кота когда-нибудь выкину.

Около года назад пасынок притащил с улицы чёрно-белого котёнка. Всё-таки он был способен на добрые поступки. Как сейчас помню, он чуть ли не на коленях божился, что будет сам ухаживать за животным. Но стоило тому вырасти, Владик про кота и думать забыл. Все заботы о нём легли на меня: кормёжка, уборка, кастрация.

– Кстати, освежитель воздуха в туалет надо купить, – сказала Лара. – А то закончился. У тебя же сегодня зарплата? Только не покупай «анти табак». Я его терпеть не могу. Бери тот, что с запахом соснового леса. Морской бриз тоже неплохой.

Что-то она ещё говорила, разглядывая себя в зеркало, но я не стал слушать. Разыскал совок, разобрался с кошачьей кучей, вымыл руки и стал одеваться. Аппетит у меня пропал. И вовсе не из-за дерьма.

Лара выглянула из ванной.

– Уже уходишь, что ли? – сказала она, не интересуясь, почему я не стал завтракать.

– А ты не видишь? – спросил я, натянув башмак. Что-то укололо мне пятку. Кажется, гвоздь из подошвы.

– Вижу, – сказала Лара спокойно. – Разбуди сына, а то он опять будильник не слышал.

Я зашёл в комнату пасынка. Он уже с трудом умещался на своей подростковой кровати. Когда-нибудь он вырастет ещё

больше и начнет меня бить. Я потряс его за ногу.

– Вставай, – сказал я. – А то в школу опоздаешь.

– Блядство, – пробормотал Владик. – Ненавижу школу. Всех ненавижу.

Я не знал, что ответить. Мне, в общем, было всё равно. Я вышел из комнаты.

– Разбудил? – спросила Лара.

– Да, – сказал я.

– Не напейся.

– В смысле?

– Сегодня. Не напейся с получки. Как тогда. Забыл? Память дырявая? Я всё помню.

Два месяца назад менты приняли меня на автобусной остановке. Я пил пиво и ждал свой номер. Мои кровные лежали в заднем кармане. Пузан в сером бушлате и ушанке, сдвинутой на макушку, сказал, чтобы я поставил бутылку на землю. Я допил пиво в три могучих глотка и поставил бутылку.

– Я разве разрешал тебе допивать? – спросил мент.

– А что такое? – спросил я в ответ.

– Это неподчинение представителю власти, – сказал мент. – Сейчас у тебя будут проблемы.

Пиво оказалось слишком крепким для моего пустого желудка. Перед глазами стало кружиться. Мелькнула мысль, что надо бежать. Пока я её обдумывал, мне скрутили руки. Потом была тряска в машине, отделение, в котором царил

атмосфера морга, мой разбитый нос и хохочущий мент. Когда утром я вышел на улицу, в заднем кармане вместо денег лежал квиток на уплату штрафа. Я скомкал его и бросил через плечо. Впрочем, ментам досталась лишь часть моих денег. Другую часть я спрятал в ботинок. Её пришлось отдать Ларе, но всё равно она сделала выводы, оглядев мой распухший нос. А я остался без заначки на целый месяц.

Моя забегаловка находилась в пяти автобусных остановках от дома. Два километра. Двадцать минут быстрым шагом. Но я не спешил. До начала смены был ещё час. Я остановился поболтать с дворником.

– Как жизнь? – спросил я.

Старик отвернулся и крикнул непонятно кому:

– Угомони эту старую блядь, тебе сказано!

Он был с приветом. Но меня это не пугало. Близких друзей у меня не было. И неблизких тоже. Как-то так получилось.

– Бьёт ключом, – ответил старик, повернувшись ко мне. – Всё по голове. Пойдём, чего покажу.

Он взял меня под руку и отвёл в сторону. Всего на три шага. Его длинная седая борода шевелилась от возбуждения. Старик порылся за пазухой и достал пистолет.

– Нашёл в подвале. На трубе. В обойме патрона не хватает. Купишь?

– Зачем мне?

– Мегеру свою будешь пугать. Как вынешь, она мигом и

угомонится.

– Она меня посадит, – сказал я.

И задумался. А действительно, посадит?

– И к тому же, неизвестно чья это пушка. Вдруг за ней придут?

– Не придут, – сказал старик. – На ней уже паутина была. Так что?

– Что?

– Возьмёшь?

– Откуда у меня деньги на это? – сказал я. – Да и зачем он мне. Лучше выброси его.

Неожиданно старик вытянул руку и стал целиться в ворону. Я замер. Но он не выстрелил. Убрал пистолет и сказал:

– Попридержу его, пожалуй. Может, даже застрелю кого-нибудь. Себя, например.

Он засмеялся. Смех был похож на карканье. А в глазах никакого веселья.

Потом я шёл по улице. Погода неожиданно наладилась, тучи разогнало и появилось солнце. Стало тепло. И настроение моё улучшилось. Только проклятый гвоздь продолжал колоть пятку. Но я старался не обращать на это внимания. И надо сказать, у меня получалось. Пройдя два квартала, я зашёл в «Пятерочку», купить сигарет. Народу было мало. У кассы, сидя на пластмассовом стульчике, спал узбек в форме охранника. Или не узбек? Двое парней в комбинезонах возились у банкомата. Один пихал в заднюю часть какие-то пластины, а другой смотрел.

– Эти надо?

– Нет, вот эти.

До начала смены оставалось сорок минут. Я решил скоротать немного времени и пройтись по залу. Осмотрел консервный ряд и молочный отдел: ничего интересного там не было. На что я трачу жизнь?! В этот самый момент какие-то люди спят, чтобы проснуться без чувства ненависти и отвращения к окружающей действительности. Другие трахаются как заведённые, не испытывая при этом стыда и отчаяния. Едят вкусную еду, зная, что никто не попрекнёт их куском. Рождаются, воют, идут в театр, и всё это не так тоскливо и бессмысленно, как стоять и смотреть на банки с тушёнкой, кильками и паштетами, бутылки с молоком, пакеты с кекса-

ми и коржиками. Скоро мне стукнет сорок. А у меня нет даже собственной папки с порнухой на компьютере, да и компьютера нет. Недавно менеджер на работе сказал, чтобы я вступил в сообщества «Повелителей гамбургеров» во «вконтакте» и на «фейсбуке», а я не нашёлся что ответить.

Побродив ещё немного по залу, я пошёл к кассе. У меня был полтинник с мелочью. Передо мной в очереди стояли старушка с пачкой творога и парень с двумя бутылками пива. Парня потряхивало, и запашок от него разлетался будь здоров, как будто он принял ванну портвейна, перед тем как пойти в магазин. Старушка возилась с мелочью, уронила несколько мелких монеток, медленно наклонилась и стала сдвигать их тросточкой в одну кучку. Парень не выдержал, открыл зубами бутылку и стал пить из горла.

– Так нельзя, – сказала кассирша испуганно. – Вы ещё не заплатили.

Она была похожа на мою жену. То есть не то чтобы похожа. Просто я точно так же познакомился с Ларой. Зашёл в павильон купить чипсов, а там она торгует; слово за слово. Лара мне понравилась. Через какое-то время я зашёл туда ещё раз. И вот – бац – мы уже в подсобке. Я ей сую сзади, позвякивают бутылки с пивом, и я никак не могу решить, кончить мне в неё или нет. А потом была ошибка. Не стоило, конечно, сразу бежать в загс. Но тут у меня характера не хватило её слить. Она моментально накинула хомут. Мне только исполнилось двадцать восемь, а ей уже было за тридцать.

Ещё и ребёнок. Вначале Владик был вполне милым мальчиком. Некоторое время даже звал меня «папой». Я быстро увяз. Продал свою комнату, за это Лара прописала меня в квартиру. Сделали ремонт на деньги от продажи. Остальное куда-то разлетелось. Теперь и сбежать было некуда. Подсобка сломала мне жизнь.

Подошла очередь.

– Что вам? – спросила кассирша. – Пакет нужен?

Надо сказать, она была гораздо симпатичнее Лары. На секундочку я даже вообразил, что веду её в подсобку.

– Синий «Соверен», – ответил я, запуская руку в карман куртки.

Там было пусто. Я полез в другой карман. Потом в брюки. Зачем-то похлопал себя по груди, по бокам, огляделся по сторонам. Но это уже не имело смысла. Меня обчистили. Лара? Владик? Может, старикан-дворник, отвлекая пистолетом, запустил мне в карман морщинистую ручонку? Глупости. Конечно, Владик. Я был уверен. Сучёныш наверняка вовсю курит.

– Двадцать пять рублей, – сказала продавщица. Судя по тону, она сказала это уже во второй раз.

– Погодите, – ответил я и опять полез в карманы.

Проверил всё тщательно и вот что обнаружил: зажигалку, старую ириску, старый мобильник, проездной, какие-то фантики, колпачок от ручки. Отдельно от этого мусора лежала банковская карта.

– Делать отмену? – спросила кассирша.

Я рассеянно прочитал на бейджике её имя: «Нина». Похоже на Лару. Но как-то посвежее.

– Погодите, – сказал я. – Сейчас я сниму.

Я двинулся к банкомату. Инкассаторы уже закончили свою возню и ушли.

– Делаю отмену, – сказала вдогонку Нина.

Я сунул в банкомат карту, ввёл пин-код. Деньги уже поступили на счёт. И их больше обычного. На двести рублей. Я ввёл сумму (всё до копейки) и нажал «подтвердить». Несколько секунд ничего не происходило, машина зависла и не подавала никаких признаков деятельности. Что эти два придурка с ней сделали?! Один мой знакомый влип в историю из-за сбоя в системе. Банкомат списал сумму, но забыл выдать. Вместо того, чтобы пойти в банк и навести там шороху, этот кретин сбегал домой и вернулся с молотком. Ему впаяли два года.

Наконец послышалось знакомое натужное гудение, будто старый насос перекачивал масло, что-то прошелестело, и в щель выскочила толстая пачка денег. Слишком толстая. И слишком красная. Я высвободил её из держателя и стал разглядывать. Купюры были пяти тысячными. Давно я не получал зарплату этими купюрами. Обычно банкоматы предпочитали расплачиваться со мной зеленовато-голубыми тысячными. А иногда пятисотками. Обычно их было ровно двадцать. И на каждой, если присмотреться, можно разглядеть

висельника. А на сторублёвке мужской член. Весёлые деньги эти рубли, жаль, что такие бесполезные.

Однако в этот раз банкомат мне выдал пачку из пятидесяти пятидесяти тысяч купюр. Я не успел пересчитать, но решил, что их не меньше пятидесяти. Что-то случилось. Сбой в мою пользу? Или дурацкий розыгрыш. Вон как смотрит кассирша. Сейчас она захохочет, с потолка посыплутся конфетти, выскочит человек с камерой на плече...

Банкомат снова загудел, прошелестел купюрами и вытолкнул из щели ещё одну красную пачку. Я протянул руку и словно во сне вытянул её из держателя. Теперь у меня в каждой руке было по пачке пятидесяти тысяч. Я лихорадочно пытался посчитать, сколько это, но калькулятор в голове вдруг сломался от резкого перенапряжения. В такие минуты сердце стучит, как колёса скоростного поезда. Моё и вовсе заглохло. Только ручейки пота на спине пытались обогнать друг друга.

В магазин вошла старуха, немного проковыляла и встала в двух шагах от меня. Стала читать объявление на стене. Я мысленно обложил её матом. Казалось, она косится на меня. Ты куда смотришь, старая стерва? Я запихал деньги в карманы. В правый и в левый. Господи, куча денег! Откуда? Ты что, слышал мои молитвы? Между тем, с некоторой задержкой, банкомат загудел в третий раз, потом привычно прошелестел купюрами и выдал новую пачку пятидесяти тысяч. Старуха повернулась ко мне. Я сразу увидел, что она смотрит

на мои деньги. Увидел в её глазах ненависть и алчность. Уйди отсюда, кривоногая паскуда! Исчезни куда-нибудь! Банкомат в четвёртый раз повторил процедуру, и я снова оказался с пачкой денег в каждой руке. Это было уже страшно. Я сунул пачки в карманы, они заметно вздулись, стало тесно. Что там кассирша – как её? – говорила про пакет? Да, да, мне не мешает пакет. Банкомат гудел и гудел, выталкивая новые пачки. Я только успевал их хватать и пихать в карманы. В куртку уже не помещалось. Несколько пачек я сунул в брюки, две положил в карман рубашки. Показалось, что старуха о чём-то разговаривает с охранником. Только подойдите, я вам глотки перегрызу! Сколько там? Миллион? Два? Три? Надо их срочно пересчитать. Однажды я прочитал, как один банкир сказал, что тот, у кого нет миллиона, может идти в жопу. Так вот сам иди в жопу! Господи, на меня все смотрят! Кто смотрит? Никого же нет. Но есть видеорекамеры. Эти электронные суки фиксируют, как я граблю банкомат. Хотя почему граблю? Он сам. Разве я виноват? Что мне надо было сделать? Развернуться и уйти? Позвать охранника? Долбануть по банкомату своим старым ботинком, чтобы он угомонился? Нет, нет, всё правильно. Что за мысли? Они мне мешают. Они мне мешают забирать деньги. Руки слишком трясутся. Я уже взмок, в заднице зудит от напряжения и возбуждения. Сколько я уже взял? Десять пачек? Или пятнадцать? Я сбился со счёта. И сколько всё-таки купюр в пачке? Пятьдесят ли? А может, сто? Нет, в такую узкую щель

столько не пролезет. У Лары тоже узкая щель. Удивительно для её возраста. На этом она меня и подсекла. А он вообще собирается останавливаться? Да там же уже денег нет. Нет уже! На мгновение мне стало весело. Потом я увидел, что новые вылезающие пачки не пяти тысячные и даже не тысячные, а смесь пятисоток и соток. Под конец пошли полтинники. А закончилось всё тоненькой пачкой десятирублёвок. Я вытащил их и сжал в кулаке. Банкомат молчал. Там не осталось ни копейки. Я его выпотрошил. Я его разорвал. Я его опустошил. Захотелось вдруг засмеяться идиотским смехом, так чтобы обязательно присутствовали визгливые нотки. Но я сдержался. С этим проблем не было. Проблема была другая. Я не мог пошевелиться. Я боялся повернуть голову. Кажалось, за спиной стоит толпа. Старуха привела их посмотреть на это чудо. Меня разорвут на части. Такое не прощают. Я бы и сам не простил того, кому так подфартило.

Впрочем, ступор быстро прошёл. Спустя минуту я взял себя в руки и оглянулся. Никто на меня не обращал внимания. Охранник по-прежнему дремал. Кассирша пробивала покупки какому-то мужику. Тот на меня не смотрел. Склонив голову, он разглядывал мелочь у себя на ладонке, двигал монетки указательным пальцем. Мне опять стало смешно. Но вместо того, чтобы огласить помещение хохотом победителя, я запел. Мысленно, конечно. «Птица счастья завтрашнего дня прилетела, чем-то там звеня, выбери меня, выбери меня, птица счастья завтрашнего дня...» Как-то само

пришло в голову.

Я вышел из магазина и осторожно зашагал по улице. Одежда стала тесной от денег. Казалось, от любого резкого движения из меня могут посыпаться купюры. Нужно было куда-то зайти, всё пересчитать и разложить. А потом видно будет. Промелькнула мысль о переезде. О покупке машины. О новой жене. И стало вдруг холодно. Это от нервов. Я поднял ворот куртки и натянул пониже шапку. Надо было и туда сунуть пачку. Или две. И идти по улице с вытянутой, как у египетского фараона, макушкой.

Дурацкие весёлые мысли и грандиозные планы, хлынувшие в голову, мешали сосредоточиться на главном. Хотя, что сейчас главное, я тоже понять не мог. Ах, да! Пересчитать и упорядочить. Но где? Вернуться домой нельзя. У Лары был выходной. А я бы стал последним дураком, если бы позволил ей узнать о моей удаче. Как говорил белогвардейский поручик из фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих»: «Золото нужно одному!» Или кто он там был, штабс-капитан? Чёрт с ним! Как ни посмотри, а стоит только сказать Ларе о деньгах, и она в одну секунду меня выпотрошит.

Я не вернусь домой. Никогда!

Осознав эту простую и радостную мысль, я даже остановился. Слишком всё это было неожиданно. То, о чём я робко мечтал по ночам, осуществилось в одну секунду. А если точнее, в те несколько минут, что взбесившийся банкомат осыпал меня деньгами. Я не мог этого лишиться. Нужно было

проявить разум и спокойствие. Не совершить ошибку.

Я снова двинулся по улице. Хотелось курить, но я боялся подойти к ларьку и купить сигарет. Казалось, стоит с кем-то вступить в контакт, и он сразу всё про меня поймёт. В голову пришла неожиданная мысль об оружии. Конечно, теперь мне необходимо оружие. Вряд ли с такими деньгами дела пойдут гладко. Я подумал о старике-дворнике и его пистолете, но эта мысль мне не понравилась. Чтобы купить у него пушку, пришлось бы вернуться назад, к дому, а я и думать об этом не хотел. Нет у меня больше дома. У меня там даже нет дорогих сердцу вещей, которые хотелось бы забрать.

Между тем в голову пришла ещё одна дельная мысль. Но обдумать её толком я не успел. Внезапно меня окликнули. Причём по фамилии. А это всегда звучит немного тревожно.

– Эй, Хлебников! Минута осталась.

Передо мной стоял менеджер Рома. Задумавшись о великом грядущем, я и не заметил, как пришёл на работу. Это вышло случайно, на автомате. Рома как раз вышел покурить к служебному входу.

– Живо иди, переодевайся, – сказал он. – Ты чего, пьяный? Или с похмелья? Что это за походка у тебя? Как будто обоссался.

Я молча смотрел на него.

– Я напишу докладную, – сказал Рома. – О премии можешь забыть.

Он любил издеваться.

– О премии? – переспросил я, раздумывая, то ли рассмеяться ему в лицо, то ли плюнуть.

– О премии, – повторил он. – Ну, точно. Ты или пьяный, или с похмелья. Или вообще под наркотиками. Я тебя отстраню от работы. Пойдёшь мыть туалеты, пока за ум не возьмёшься.

– Дай-ка сигарету.

Он послушно протянул. Я закурил, затянулся, выдохнул облако. Голова слегка поплыла. Шикарно. Я богат. Я наконец-то раздобыл сигарету. И этого идиота можно смело послать по известному адресу.

– Я увольняюсь, – сказал я.

– В смысле?

– Ухожу. Вставай сам к плите.

– Погоди-ка, так нельзя. Во-первых, ты должен написать заявление заранее, во-вторых, ты должен отработать положенные по закону две недели, в-третьих...

Я ухмыльнулся и выдул ему в лицо дым, потом бросил сигарету через плечо (чуть в лоб себе не попал) и пошёл прочь. Та дельная мысль, от которой он меня отвлёк, окончательно оформилась. Я решил воплотить её в жизнь.

В нашем городе было две гостиницы. Одна хорошая, другая плохая. В хорошей гостинице имелся бар и ресторан, охранники в костюмах на входе, дорогие машины на стоянке, просторные номера с мягкой мебелью и белоснежными унитазами. Плохая гостиница выходила окнами на загородное шоссе, фасад здания осыпался, а на заднем дворе была свалка.

Я решил лечь на дно. Спокойно устроиться и распределить деньги. Обдумать дальнейшие действия. Хорошая гостиница находилась в центре. Я дошёл туда пешком за двадцать минут. Я шёл прихрамывая. Гвоздь в ботинке проклюнулся на несколько миллиметров и стал безжалостно колоть пятку. Охранник на входе посмотрел на меня, но останавливать не стал. В вестибюле было светло и тепло, какой-то лысый мужик с толстой шеей сидел в кресле и читал газету. Рядом пристроилась девица в шубке. Когда я проходил мимо, мужик опустил газету и проводил меня взглядом. Девица негромко сказала:

– Он себе кожу пересадил с попы. Сам сказал.

– Да? – пробормотал мужик. – Ага.

Я подошёл к стойке. Администратор молча посмотрел на меня. У него был маленький морщинистый лоб. На бейджике я прочитал фамилию – «Платонов».

– Мне нужен номер, – сказал я. – На сутки. Для начала.

– Свободны только апартаменты и люксы, – ответил Платонов, разглядывая мою куртку. На левом рукаве он наверняка заметил дырки от сигарет.

– Хорошо, это мне подойдёт.

– Да? – спросил он и почесал свой морщинистый лобик. – Ладно. Люкс стоит десять тысяч восемьсот рублей за сутки.

«Шикарно», – подумал я.

– Мне потребуется ваш паспорт, – сказал Платонов, доставая какой-то бланк. – Есть паспорт?

Кроме денег и некоторого количества мусора, у меня в карманах ничего не было. Паспорт? Последний раз я брал его в руки полгода назад, когда менял банковскую карту. И с тех пор он так и лежал в серванте, покрытый, должно быть, приличным слоем пыли. Это было плохо. Очень плохо. Отсутствие паспорта всё осложняло. Я начал торопливо прокручивать в голове разные варианты. Вплоть до возможности купить себе поддельный. А это было уже глупо. Очень глупо. Где я возьму поддельный паспорт? Единственный знакомый, занимавшийся подделкой документов, умер года три назад. Да и вообще мастерил он только фальшивые проездные на автобус, причём довольно паршивого качества. Как ни крути, фальшивый паспорт – лишние проблемы.

Администратор устало смотрел на меня.

– Вы слышите, что я говорю? – спросил он.

– А нельзя ли сейчас без паспорта? – сказал я ласковым го-

лосом. Решил вызвать у него симпатию. Но прозвучало так, будто я вознамерился снять его вместе с номером.

— До свидания, — сказал Платонов. — Спасибо, что...

Он сделал короткую паузу, во время которой успел окинуть меня полным презрения взглядом, от застиранной вязаной шапочки до разношенных башмаков.

— ...обратились к нам. К сожалению, мы ничем не можем вам помочь.

Это было терпимо. Лет пятнадцать назад охранявшие гостиницу братки вышвырнули бы меня с лестницы со сломанной челюстью. Да что там, при моём наряде они бы сделали это ещё до того, как я вошёл.

— Ладно, — сказал я и двинул прочь.

Была, конечно, мимолётная мысль дать ему взятку, но я решил, что это рискованно. Слишком уж у меня затрапезный вид, чтобы швыряться деньгами. Это могло закончиться плохо.

Я вышел на улицу и зашагал в сторону городских окраин. Тем временем в голову лезли всё новые и новые идеи. Во-первых, я решил срочно изменить внешний вид. Жаль, конечно, что у меня нет усов, я бы сбрил их. Но для начала достаточно будет обновить гардероб. И постричься. Или побриться наголо. Да и проклятый гвоздь в ботинке совсем меня измучил. Новые ботинки не будут лишними. Во-вторых, залечь на дно более основательно, чем я планировал. Как минимум на два дня. Потом Лара уйдёт на работу, и можно бу-

дет сходить домой и забрать паспорт. У нас в городе два вокзала. Один – железнодорожный. Другой – автобусный. Я пока не решил, откуда и куда буду драпать. Но то, что для этого понадобится паспорт – совершенно точно. Оставляю жене записку и небольшой подарок. Чтобы она не слишком расстраивалась. Может, даже оставляю ей немного денег. Пусть купит себе туфли на лето. И платье. Порадует своего любовника. Или любовников. Даже думать смешно, что я один побывал с ней в подсобке. Особенно, когда у неё выпадали ночные смены.

Неожиданно я возбуждился, но вряд ли это было связано с мимолётной фантазией о том, как какой-то мужик жучит мою жену. Я не переставая думал о содержимом своих карманов, и эти мысли рождали самые разные эмоции. От истеричного восторга до полного умиротворения.

По пути я завернул в торговый центр. Он уже открылся, но народу там практически не было. На втором этаже я отыскал павильон, где продавались сумки. Выбрал себе простую, неприметную и вместительную, их тех, в которые работяги складывают сменную одежду, газеты и бутерброды.

– Приятного вам дня, – сказала продавщица.

Ох, знала бы она, насколько права. Но одного приятного дня мне уже было недостаточно. Это раньше я млел от каждой минуты, которая казалась хоть сколько-нибудь светлой. Теперь же я собирался заграбастать остаток всей жизни.

Побродив немного по второму этажу, я зашёл в туалет и

заперся в кабинке. Наступил волнительный момент первого распределения денег. Я поставил сумку на унитаз, стал вытаскивать из карманов пачки и укладывать внутрь. Казалось, деньги никогда не закончатся. Одна пачка, две пачки, шесть пачек, одиннадцать. Я вывернул все карманы, потом вытряхнул целый ворох купюр из-за пазухи. Некоторое время меня преследовало ощущение, что не меньше половины денег всё ещё лежит где-то в одежде. Я обыскал себя два раза, но потом не выдержал и стал раздеваться. Одежду я складывал прямо на пол и тут же тщательно прощупывал все прорехи. Под конец на мне остались только трусы, носки и ботинки. Шапку я тоже снял и потряс над сумкой. Вроде бы я совал туда пачку или две. Нет? Внезапно от волнения у меня скрутило живот, так сильно, что на лбу выступил пот. Я торопливо натянул на себя свои нищенские тряпки (кроме брюк), поставил сумку на пол и сел на унитаз. По привычке полез искать сигареты, но потом вспомнил, что курево так и не купил.

Минут через десять я почувствовал себя намного лучше. Как морально, так и физически. Мой ум прояснился. Я был полон сил. И даже мандраж куда-то исчез. Полное спокойствие. Словно всю жизнь швырялся деньгами, не зная их счёта.

Я протянул руку к тому месту, где должен был висеть рулон туалетной бумаги, и замер. Кто-то вошёл в туалет. Шаги остановились у писсуара напротив моей кабинки. Но де-

ло было вовсе не в этом. Рулона не было. Я огляделся. Как мог, выгнулся и заглянул под унитаз. Там тоже ничего не было. Даже старой газеты. Сучье племя! Вы дерёте с рабочего человека тридцать рублей за то, чтобы он имел одно-разовую возможность облегчиться, но не можете положить в кабинку хотя бы старый «Спорт-Экспресс» или «Комсомольскую правду». Некоторое время я сидел в замешательстве. Тот человек, что зашёл в сортир, давно уже вышел, а я так и оставался заложником собственной чистоплотности. Помню, в детстве один мой знакомый вытер свой зад крапивой. На спор. И он выиграл пачку сигарет «Вега». Я и сам не брезговал травой и листьями, когда оказывался на природе. А сейчас я бы согласился и на пучок крапивы. Передо мной стояла сумка, полная бумаги, но я никак не мог решиться. Это был перебор. Издевательство. Насмешка. Что угодно. Я разозлился, хорошенько накачал себя разными самоуничтожительными мыслями и достал деньги. Пять банкнот мне вполне должно было хватить. Всю мелочь – десятки, полтинники и сотни – я уже потратил на сумку. Эти купюры лежали в карманах поверх крупных. И теперь самыми мелкими в сумке были пятисотки. Впрочем, их оказалось достаточно. Тщательно комкая свои кровные, я вытирал ими зад и бросал в унитаз, отгоняя унизительные мысли о том, чтобы отмыть их тут же под краном, а потом высушить. Плевать! Пусть это будет первая и единственная жертва моему богатству, моей новой жизни. Всему хорошему нужно приносить жертву.

Я извёл семь с половиной тысяч, но даже при этом не был достаточно чист. У меня не осталось сил изводить деньги на говно. Что и говорить, наверное, я был единственным человеком на всем белом свете, который истратил на сранье такие деньжищи. Лара убила бы меня, если бы узнала. Эта мысль меня развеселила. Я выбрался из кабинки, вымыл руки и пошёл прочь. На входе сидел старик, который брал с посетителей плату. Я не смог промолчать.

– У вас там бумаги нет, – сказал я.

– Да? – Кассир посмотрел на меня рыбьими глазами. – Печально.

– Вы дерёте с рабочего человека тридцать рублей...

Я выдал ему целую тираду, но он никак на это не отреагировал. Я махнул рукой и вышел в коридор. Сиди и дальше в говне. Я теперь богат. А ты червяк! Снобизм меня взбодрил, и я отправился выбирать себе новую одежду.

Это не заняло много времени. Я никогда не был большим модником. Всегда носил что придётся. Дорогих тряпок не имел. Вот куртка. Я купил её в секонд-хенде и проносил пять лет. Подкладка порвалась, рукава вытерлись и поистрепались. Про ботинки я вообще молчу. И ведь что удивительно, такое положение меня ничуть не возмущало. Я воспринимал его как должное. Что получается? Я как будто умер, но так этого и не понял.

В одном из павильонов я купил себе новые штаны и рубашку. В другом – неплохой пиджак и джемпер. На очереди были ботинки. Продащица, глядя на мой старый прикид, пыталась всучить мне копеечные китайские туфли с острыми носами. Такие я носил в молодости со спортивными штанами и кожаной курткой. Тогда это был шик. Я был денди городских окраин. Но теперь это в прошлом. Я выбрал себе дорогие ботинки с толстой подошвой. Потом заглянул в отдел верхней одежды и выбрал пальто. Все мои шмотки уместились в два больших пакета. Теперь оставалось только где-нибудь переодеться. Сначала я хотел вернуться в сортир, но передумал, когда вспомнил, какую сумму там оставил.

Уже на выходе я решил, что настоящему мужчине в дорогой одежде нужны приличные аксессуары. Я вернулся и купил себе наручные часы марки «Ракета», опасную брит-

ву (мужик должен бриться железом, а не хернёй с плавающей головкой), расчёску, зажигалку, серебряную цепочку с кулоном в виде Скорпиона (мой знак зодиака), щипчики для стрижки ногтей, складной нож, фонарик, перьевую ручку, блокнот, какие-то брелки... Вспомнил, что нет приличного исподнего, и побежал наверх искать трусы. Купив трусы, я учуял запах. Этажом выше находился ресторанчик. А ведь я до сих пор ничего не ел. Я поднялся наверх, заказал суп, курицу с картошкой, салат, торт, чай, коньяк и, только сев за стол, понял, что меня понесло. Почти час я бегал по этажам и коридорам, швырял деньги направо и налево, хватая всякий хлам, попадавший на глаза. Нужно было успокоиться, но в голову уже залезла мысль, что надо зайти в компьютерный магазин и присмотреть себе ноутбук.

Выпив коньяка, я съел до крошки свой обед, искал по карманам сигареты, не нашёл и откинулся на спинку стула. Вдруг захотелось спать. И это успокоило мой потребительский зуд. Мимо прошла девица на шпильках. Провожая взглядом её попку, я подумал, что мне теперь ничего не стоит подойти к ней и попробовать закадрить. Я не боялся. Правда, я и раньше не боялся. Но всегда знал, что это не имеет смысла. А сейчас? В одну секунду я перемахнул несколько ступеней социальной лестницы. Впрочем, для полной картины нужно было где-то переодеться.

Посидев ещё немного, я подхватил покупки и вышел на улицу. Напротив торгового центра стояла блочная много-

этажка. Туда я и направился. Двор был завален грязным снегом, словно здесь разгружались все снегоуборочные машины района. К тому же тут бродили бездомные собаки, грязные, ленивые и мохнатые. И куда меня опять занесло?! И так всю жизнь. Вечно оказываюсь в какой-нибудь клоаке. А всё началось с того дня, когда я родился. Подвыпившая акушерка унесла меня в палату интенсивной терапии вместо обычной палаты для новорождённых, и потом меня несколько часов не могли найти. Помню, мама рассказывала об этом со смехом, но смех тот был совсем не весёлым. Она постоянно боялась меня потерять. Но вышло наоборот. Сначала я потерял её. А потом себя. Черт возьми, ещё вчера от таких мыслей я бы тихо разрыдался или запел песню, чтобы унять слёзы, а сейчас все эти сантименты меня совершенно не тронули.

Побродив с собаками по двору, я заметил подъезд, дверь которого была не заперта. Внутри оказалось неожиданно чисто и даже не воняло мочой. Первоначально я хотел переодеться между этажами, но вдруг испугался, что меня застукает какая-нибудь бабка, решившая вынести мусорное ведро. Шуму не оберёшься. А мне лишний шум был не нужен. Я вызвал лифт, поднялся на последний этаж, тут меня ждал облом. Проход на чердак оказался перекрыт стальной решёткой, на которой к тому же висел замок. В принципе, его можно было сбить. Но, представив, какой грохот поднимется, когда я начну по нему лупить, я махнул рукой, сел назад в лифт и снова спустился на первый этаж. Не получилось на черда-

ке, переоденусь в подвале. Черта с два! Прохода в подвал здесь вообще не было. Возможно, как и самого подвала. Я обошёл весь подъезд, но ничего не нашёл – ни двери, ни люка. Пришлось опять подниматься наверх, на этот раз по лестнице. Между четвёртым и пятым этажами я решил, что место здесь подходящее. В закутке, где находился мусоропровод, я сложил на полу пакеты с покупками, выглянул на лестницу, посмотрел вверх и вниз – всё было тихо – и стал стаскивать с себя одежду. В угол полетели куртка, штаны (шов на заднице слегка разошёлся, но я только сейчас это заметил), ботинки, джемпер и рубашка. Из одежды на мне остались только трусы и носки. Секунду поразмыслив, я решил их пока что не переодевать. И тут началось! Сначала где-то наверху затыкала собака, слышно было, как хлопнула дверь, потом послышалось бормотание и раздались шаги. Человек спускался по лестнице. Но почему, почему не на лифте, как все нормальные люди?! Я судорожно вскрывал пакеты, пытаюсь найти штаны. Меня переклинило. Вместо того чтобы надевать то, что попадётся под руку, я искал именно брюки. Возможно, сказалась многолетняя привычка: первым делом надевать на себя штаны. Но их не было. Вернее, где-то они были, да только я никак не мог найти их в куче купленного барахла. Между тем шаги приблизились, и я почувствовал, что за спиной кто-то стоит. Ну, конечно! Это была старуха с мусорным пакетом в руке. В другой руке она держала поводок, закреплённый на шее пекинеса. Старуха молча смотре-

ла на меня без какого-либо испуга в глазах. Её пекинес делал то же самое. Я выпрямился.

– Что вы тут делаете? – спросила она.

Голос у неё был строгий. Наверное, бывшая учительница. Такие в десяти случаях из десяти звонят ментам. Что бы ни случилось. Такой была моя тёща. Чуть что хваталась за телефон и звонила в отделение. Как-то раз она пришла из магазина, выложила покупки, переоделась, а потом увидела, что куда-то пропал пакет с замороженными овощами. Тёща тут же набрала «02». В другой раз у её кошки началась течка, она забралась в ванную и никого туда не пускала. Тёща набрала «02». Если ночью ей снился кошмар, она хватала телефон и набирала «02». Всё это я узнавал от Лары.

– Что вы тут делаете? – повторила старуха. – Как вы вошли? Я тут всех знаю. Вы здесь не живёте.

Я не знал, что ответить. Меня вдруг стало трясти. От холода и нервов. В голове так и стреляло: «Деньги, деньги, деньги».

– Хорошо, – вдруг сказала она. – Пойдёмте со мной. Я вам помогу.

Она пошла вверх по лестнице, потом остановилась и оглянулась.

– Ну что вы стоите? Идёмте. Переоденетесь у меня.

«Господи, – подумал я, – ну что это, откуда?»

Пришлось подхватить вещи, кроме старой одежды, и пойти за ней. В голову лезла всякая дребедень. Например, я от-

чётливо увидел, как мы заходим в прихожую и старуха хватает меня за шею и пытается поцеловать. Или вот ещё: мы заходим, она резко поворачивается и вонзает мне в бок стармеску.

Мы вошли в квартиру. Старуха включила в прихожей свет и поставила на пол пакет с мусором.

– Можете спокойно переодеться, – сказала она.

– Спасибо вам, – ответил я смущённо. – Так, а где моя сумка?

Я расшвырял пакеты с барахлом. Сумки с деньгами не было.

«Ёб твою мать!» – подумал я. Или сказал?

– Да вон у вас их сколько! – засмеялась старуха. – Одной больше, одной меньше.

– Нет, нет! Мне нужна та. Где она? Где?

Я стал бегать по прихожей в трусах и носках, а пекинес радостно прыгал у меня под ногами.

– Так вы будете переодеваться? – спросила старуха. – Мне нужно на прогулку с Володей.

Она взяла пекинеса на руки. У меня началась паника. Я схватил мусорный мешок, заглянул под него. Снова расшвырял свои пакеты. Бабка меня ограбила! Нет, я забыл сумку в каком-то магазине. Или даже в туалете. Прогадил свою мечту, свою надежду. Я выскочил из квартиры и побежал вниз по лестнице.

– Вы куда? – крикнула вдогонку старуха.

Её квартира была на шестом этаже. Я остановился между четвёртым и пятым, заглянул в закуток. Сумки там не было. Только ворох моей старой одежды. Из одной квартиры вышла женщина с маленьким мальчиком. Подтянув трусы, я спрятался за угол, но мальчик меня заметил.

– Папа! – закричал он.

– Это не папа, – ответила женщина. – Это другой алкаш.

Они вызвали лифт. Я заглянул под одежду. Сумка лежала под штанами. У меня отлегло от сердца. Подождав, пока мамаша с ребёнком сядут в лифт, я выбрался из укрытия и вернулся к старухиной квартире. Дверь была заперта. Я позвонился. Потом постучался. Никто не отвечал. Неужели решила взять мои вещи? Как-то неудачно у меня всё пошло. Начиная с сортира.

– Кто там? – послышалось наконец-то из-за двери.

– Это я. Вы меня приглашали, помните?

Я чувствовал, что меня разглядывают в глазок.

– А почему вы без одежды? Кто вы? Я сейчас милицию вызову.

Бог с ними с вещами! Я решил, что пора бежать. А то влипну ещё больше. В этот момент открылась соседняя дверь, и выглянула моя старуха.

– Вы что там? Будете переодеваться?

– А там кто? – Я кивнул на дверь, в которую ломился.

– Соседка. После инсульта.

Я вошёл, схватил первый попавшийся пакет. Он оказал-

ся с брюками. Из другого пакета достал рубашку и пиджак. Оделся и сразу почувствовал себя увереннее. Накинул пальто, завязал шнурки на ботинках. Старуха причмокнула губами.

– Чаю не хотите?

– В следующий раз, – ответил я.

Потом подумал: может, дать ей денег?

И тут же отогнал эту бесполезную мысль.

Пока я шёл через двор в обратном направлении, изгваздал новые ботинки. Пришлось вернуться в торговый центр и купить щётку и крем для обуви. Мой покупательский пыл немного угас. Я не стал там задерживаться, вышел на улицу и сел в такси.

– Куда? – спросил водитель.

– В гостиницу, – ответил я.

При мне остался только один небольшой пакет с барахлом и сумка с деньгами. Незаметно я вытащил из пакета опасную бритву и переложил в карман пальто. На случай если таксист решит меня ограбить, я готов был вскрыть ему горло. Взглянув на часы, я увидел, что уже начало второго. Четыре с лишним часа прошли незаметно.

Немного попетляв по окрестностям, мы остановились у входа в гостиницу, откуда меня совсем недавно выперли. Можно было рискнуть ещё раз: учитывая мой новый облик, вполне могло получиться. В случае чего всё-таки дать на лапу хлыщу-администратору, не смущаясь старой куртки, прожжённой сигаретами.

– Так что? – сказал водитель. – Вот гостиница.

Я сидел и размышлял. Двигатель потихоньку тарахтел. В конце концов я решился.

– Нет, едем в другую гостиницу.

– В другую гостиницу? Здесь же всего одна гостиница на весь город.

– Нет, нет. На выезде, на шоссе есть ещё одна. Ты что, не знаешь?

– А, эта. Это не гостиница, а клоповник и дешёвый бордель.

– Вот и гони туда напрямиком.

Что он и сделал.

Там не было парковки, и мне пришлось вылезти на обочине шоссе, а потом идти к входу через осклизлый пустырь величиной с половину футбольного поля. Здание имело затрапезный вид, фасад по-прежнему осыпался, а решётки на окнах первого этажа покрылись ржавчиной. Одно слово – упадок. Но мне это подходило.

У входа стояла древняя вертушка, а рядом с ней дремал пожилой вахтёр в синей спецовке. Администраторша сидела в закутке, похожем на гардероб, и разгадывала кроссворд.

Я поздоровался и сказал, что хочу снять номер.

– Люкс две пятьсот, полулюкс тысяча семьсот, – начала перечислять она скучным голосом, не отрываясь от кроссворда.

– Люкс, – перебил я.

– Паспорт давайте, – ответила администраторша.

На вид ей было лет шестьдесят, но накрасилась она так, будто собиралась на свою первую дискотеку. Или последнюю.

– Видите ли, – сказал я, – я прилетел сегодня утром из Москвы. Но мой багаж потерялся. Там был и паспорт. Мне бы на время остановиться, пока найдут багаж...

– Куда прилетели? – спросила она, продолжая задумчиво вписывать буквы в клетки.

– Ну, сюда.

– А у нас что, аэропорт открыли? – она оторвалась от кроссворда и посмотрела на меня.

Тут я, конечно, сглупил. Ближайший аэропорт находился в сотне с лишним километров отсюда, в небольшом городишке Артём, рядом с Владивостоком.

– Так получилось, что я оказался здесь, – нашёлся я. – Обстоятельства.

Это отличное слово. Оно многое могло объяснить без лишних подробностей. Но администраторше было наплевать.

– Без паспорта не пушу, – сказала она. – Без паспорта не положено. В крае, между прочим, проходит операция «Антитеррор», у нас строжайшие правила. Менты каждый день шлют ориентировки на всяких бородатых сволочей. А если вы террорист?

У меня уже всё было наготове. Я пропихнул под газетку несколько банкнот.

– Я дам люкс на последнем этаже, – ответила моментально эта тётка. – Там поспокойнее. А зарегистрирую, когда паспорт будет. Да?

Я улыбнулся. Заплатил за номер, взял ключ.

– А ресторан у вас есть?

– После трёх откроется буфет, – сказала она. Потом, не снижая громкости, добавила: – А девочки будут после семи.

– Девочки, – повторил я.

Что-то во мне шевельнулось, когда я подумал над её словами.

– Марина и Света. Они тут недалеко живут.

«А с утра, наверное, на трассе подрабатывают», – подумал я.

– Я вам дам сигнал, – подмигнула администраторша.

Лифт не работал. В здании было пять этажей. Я поднялся на последний, разыскал свой номер. Он находился в конце длинного коридора. Не самое удачное место, в случае пожара. Слышно было, как у кого-то за дверью работает телевизор. Я открыл дверь и вошёл. Номер оказался холодным и неудобным. Окна выходили на пустырь, через который я сюда пришёл. Я откинул покрывало на кровати. Белья не оказалось. Я заглянул в шкаф. На верхней полке лежала наволочка, чуть ниже простынь, пододеяльник и два полотенца. Рядом со шкафом стояла пустая бутылка из-под пива. В ванной комнате была душевая и унитаз с желтыми разводами. Я проверил, есть ли горячая вода. Всё оказалось в порядке. Не так уж плохо. Здесь можно было вполне сносно пожить некоторое время.

Потом я снял пальто и повесил его на вешалку. Включил

телевизор, сел на кровать и расстегнул сумку с деньгами. Захотелось хватать эти пачки двумя руками и подбрасывать к потолку, хохоча от того, что купюры осыпаются мне на голову. Но желание оказалось мимолётным и глупым. Я выложил деньги на кровать. Купюры в основном были новые, с особым запахом краски. Я был спокоен. Насвистывая, я начал их считать. Несколько раз сбивался и начинал сначала. Это было приятное занятие, самое приятное из всех, что были в моей жизни. Я готов был заниматься этим хоть всю ночь. Лишь бы эти прекрасные бумажки в моих руках, настоящие купоны счастья, никогда не кончались. Деньги – это радость. Деньги – это свобода. Деньги делают тебя человеком. Слава деньгам! Спасибо тому, кто придумал деньги. Он был великий человек. Он был более велик, чем Иисус Христос. Да, да, да! Ты говорила, Лара, что я закончу как мой папаша. Умру от нищеты и пьянства. Но посмотри, где теперь я и где ты. Это ты внушила мне, что я ничтожество, которое не способно ни на что. Но я оказался хитрее, пронырливее и счастливее всех вас. Я влез на самую высокую колокольню и помочился в ваши бесстыжие глаза. Скажи Владику, что теперь-то я могу купить ему мотороллер, даже два, но я лучше по второму разу вытру этими деньгами жопу.

Я разнервничался. Опять сбился со счёта. Хотелось курить, но я, дурак, так и не вспомнил про сигареты. Сходя в ванную, я напился воды из-под крана, умылся, вернулся в комнату и упал на кровать. А потом я закончил считать. От

одной мысли о том, что я теперь миллионер, хотелось встать на четвереньки и начать лаять. Два миллиона рублей, вот сколько я наварил. Два миллиона и ещё какая-то мелочь.

Я уснул поперёк кровати, с деньгами в обнимку, а проснувшись, увидел, что уже четыре часа. Голова была ясная. Хотелось есть. А ещё у меня стоял член. Как же давно я не просыпался с нормальной эрекцией. Чтобы присунуть Ларе, обычно приходилось надрачивать по пять минут. Да и то без всякого волнения, без страсти. Я делал это ради одного – осознания, что ещё не умер. Что закапывать меня рано.

Я сложил деньги в сумку и выглянул в окно. У меня был план: пересидеть, забрать паспорт и сдёрнуть отсюда как можно скорее. Для начала во Владивосток. А оттуда в Москву. Или Питер. Или ещё куда-то. Подальше из этой дыры, подальше от Лары, от «Повелителей гамбургеров», от мен-тов, от грязи, он прошлого, которое живёт здесь в каждом дворе и за каждым кустом. План был прост и хорош. Но я уже понял, что осуществить его в первозданном виде не получится. Просто пересидеть было сложно. Меня распирало. Желание встать на четвереньки и залаять никуда не делось. Оно стало сильнее. И масштабнее.

Я снова выглянул в окно. Через пустырь двигалась небольшая стая собак. Впереди шёл большой чёрный пёс с мощными лапами, длинным хвостом и могучей головой. Настоящий медведь. Позади стаи трусила худая собачонка с плешивыми боками. Вот и я когда-то был таким. А стал таким, как этот

собакомедведь. Чёрт возьми!

Буфет, видимо, уже открылся. Я положил в карман брюк пачку денег. И ещё одну пачку сунул в карман пальто. Остальные сложил в сумку, отнёс в ванную и затолкал за фановую трубу унитаза. В прикроватной тумбочке нашлась стопка старых газет. Одну я помял, вернулся в ванную и положил поверх сумки. Не бог весть какой тайник, но лучше, чем ничего.

Я вышел из номера, спустился на первый этаж и разыскал буфет. Он был похож на школьную столовую, такой же мрак и запах подгорелой пищи. За одним столиком сидел толстый мужичок в кепке и глушил водку без закуски. Опрокидывая очередную рюмку, он морщил багровый нос и тряс головой. На раздаче стояла женщина в белом переднике и чепчике, похожем на кокошник. На вид ей было лет сорок, усталая, но довольно милая. Вспомнилась вдруг Лара. Что-то меня так и тянет на зрелых продавщиц с сомнительной биографией.

Я заглянул в меню, бумажку с потрёпанными краями. Судя по виду, его отпечатали ещё во времена Совнаркома.

– Суп какой-нибудь есть? – спросил я.

Суп для меня – первое дело.

– Суп не готовим, – ответила буфетчица. – Возьмите рыбу. Отличная треска.

Клянусь, она смотрела на меня с явным интересом. Буфетчица, конечно, а не треска. На фоне пьяного толстяка я выглядел настоящим рыцарем Айвенго. Но я растерялся.

Давно ни к кому не подкатывал. Забыл, как это делается.

– Пожалуй, я возьму салат «Оливье», – сказал я.

– Возьмите лучше «Столичный». А то «Оливье» у нас позавчерашний.

– Годится.

– Что будете пить? Водку, коньяк? Есть портвейн. Сухое вино.

– Томатный сок, – ответил я, облакачиваясь на прилавок. – А как вас зовут?

Буфетчица поглядела куда-то мимо меня. Я проследил за её взглядом и наткнулся на толстяка.

– Видите? – сказала она. – Это мой муж. Зовут меня Анастасия. Но это ничего не значит.

Я молча взял салат, сок и сел за свободный столик. Толстяк внимательно посмотрел на меня. Потом сморщился, высунул язык и показал два пальца.

– «Луч-Энергия» чемпион!

Салат оказался холодным и безвкусным. Похоже, вместо курицы туда покрошили мокрый картон. Сок я не стал и пробовать. Встал и вышел вон. Большие старые часы, висевшие в вестибюле, показывали без четверти пять. Я сверился со своей «Ракетой». Всё верно. Вахтёр по-прежнему дремал у своей вертушки, свесив голову на грудь. Я подошёл и тронул его за плечо. Старик встрепенулся.

– Сигареты есть? – спросил я.

Он протянул мне красную пачку с золотистыми иерогли-

фами. Два года назад Лара привозила такие из Китая. Я вытащил две сигареты, одну взял в рот, а другую сунул за ухо.

– Бери третью, – сказал вахтёр.

Я взял третью, сунул за другое ухо и вышел на улицу. Начинало темнеть. Падал редкий снежок. По трассе проносились машины. Куда пойти? Прикурив, я двинулся через осклизлый пустырь к шоссе. В этот момент в кармане пальто что-то зашевелилось. Я вздрогнул, сунул туда руку и достал мобильник. Номер был незнакомый. Давно мне не звонили с незнакомых номеров. А последний раз – года полтора назад. Женский голос, волнующий, сексуальный, спросил какого-то Сергея Юрьевича. Я занервничал. Хотелось как-то удержать её, и я запел. Песню Уитни Хьюстон из фильма «Телохранитель». Правда, с английским у меня были проблемы, поэтому я произносил всякую тарабарщину на известный мотив. Послушав три секунды, она повесила трубку.

Пока я размышлял над тем, отвечать или нет, телефон выключился. Ну и бог с ним! Перезванивать не буду. Тут я подумал, что, возможно, скоро позвонит Лара. Пожалуй, так оно и будет, когда я вечером не появлюсь дома. Да к тому же в день зарплаты. Что я ей скажу? Мне не хотелось сейчас думать об этом. Я вышел на шоссе и стал голосовать. Машины проносились мимо, разбрызгивая во все стороны мокрый снег. Наконец, одна остановилась. Водитель внимательно оглядел меня, наклонившись к рулю. Но когда я потянулся к двери, он вдруг газанул, окатив мои новые штаны бурой

жижей. Я в замешательстве глядел на уносящиеся габаритные огни. Потом остановилась ещё одна машина. Я стоял и смотрел на неё. Выглянул водитель, по виду китаец, и спросил:

– Ну, что?

– Что?

– Поедешь? Или будешь смотреть? – сказал он.

Я залез в салон на переднее сиденье.

– В ресторан, – махнул я рукой.

– Тебе что здесь, такси? – спросил китаец. – Довезу до города, а там сам шуруй.

И мы поехали.

Он высадил меня на одной из улиц неподалёку от центра и уехал. Денег не взял. Я и не предлагал. А он не требовал. К этому времени совсем стемнело. Опять пошёл снег, но на этот раз густой и мокрый. Ветер швырял его в лицо горстями. Я прошёл немного, прикрываясь рукавом, и тут увидел стоянку «бомбил» на углу перекрёстка; три японские праворульные тачки. Хозяева стояли чуть в стороне, курили и болтали. Я залез в салон и стал ждать. Никто не обращал на меня внимания. Я включил магнитолу, поймал волну. Прошло минут десять. Снег тем временем прекратился. Я нажал клаксон. Подошёл один из них и сел за руль.

– Куда ехать?

– В ресторан, – сказал я.

– Какой? – спросил он.

В нашем городе был только один приличный ресторан. Назывался он «Коралловый остров». Пятнадцать лет назад я побывал там. Но как! Наш бригадир Костя-Топор решил выяснить, есть ли у ресторана «крыша», а если есть, можно ли её подвинуть. В один майский вечер он отправился туда, прихватив с собой Гену Махно, Саню Колючего (выбросился из окна во время допроса в прокуратуре), Вадика Рыбу (получил пожизненное) и меня. Даже в то время этот ресторан был очень приличным местом, и считать, что его никто не

держит, было наивно. Я ждал на улице у входа вместе с Вадиком. Костя-Топор, Гена и Саня пошли разговаривать с директором. Вернулись через пять минут. Костя мрачно объявил, что ресторан держат менты. Немного подумав, он добавил, что для начала надо сжечь директору машину. С этого и начались наши неприятности...

– Закурим? – спросил «бомбила», трогаясь с места.

– Можно, – пожал я плечами.

Он достал сигарету из пачки, а я из-за уха. Моя сигарета намокла и помялась, и я, вместо того чтобы закурить, стал разглядывать иероглиф, пропечатанный рядом с фильтром. Он напоминал собачку, которую порубили на куски и засунули в коробку.

– Девочки интересуют? – спросил водитель. – Могу отвезти в одно место. Очень чистенькие.

Он причмокнул губами и чуть не выронил сигарету.

– Пока не надо, – сказал я, прикуривая.

– Разогреться для начала надо, да? – сказал водитель. – Понимаю. Сам такой.

У него не было переднего зуба. Слова вылетали с лёгким свистом. Он рассказал про свою жену. Как-то раз он ехал по городу, увидел её на остановке и решил подвезти. Но не просто подвезти. Он решил её напугать. Проехав мимо, он остановился, вылез из салона, подкрался сзади и со всей дури заорал ей в ухо. Жена развернулась и ударила его кулаком по роже.

– Зуб выбила? – спросил я.

– Нет, зуб мне менты выбили. Якобы я их тачку подрезал.

Фигня это, ясное дело.

Мы остановились у входа в ресторан. Я расплатился и вышел.

– Могу подождать, – сказал водитель в спину.

– Не надо, – ответил я.

Охранник на входе странно посмотрел на меня. Он был высокий, плечистый, с маленькими злыми глазами. Я прошёл в зал, выбрал столик. Посетителей было много. Кто-то смеялся поблизости визгливым, бабьим смехом. Официант положил передо мной меню. Сначала я растерялся, но быстро взял себя в руки.

– Кальян не желаете? – спросил официант.

– В жопу кальян, – ответил я, представив, как буду выглядеть посреди многолюдья с кальяном. Плебей, да и только.

Официант, будто прочитав мои мысли, сказал:

– Для этого у нас есть отдельные кабинки.

– Не надо. Не хочу. У вас есть суп?

– Есть, – ответил он немного растерянно. – Например, отличный мисо-суп.

– У вас тут что, китайская кухня? – спросил я.

– Это из японской кухни. А у нас смешанная кухня.

Если честно, мне хотелось чего-нибудь простого. Скажем, солянку. Или щи из кислой капусты. Но я опять испугался, что буду выглядеть плебеем, если попрошу принести щи.

Здесь же не столовка, в конце концов.

– Хорошо, – сказал я. – Несите ваш этот суп.

– С лапшой?

– Нет. Что там есть на второе?

– Например, жаркое с тыквой, фасолью и помидорами.

– А мясо там есть внутри?

– Э, нет. Но это блюдо подойдёт в качестве гарнира.

– Тогда мне бифштекс какой-нибудь.

– Как насчёт телячьего стейка? Телёнка утром забили.

Я представил этого телёнка, с испуганными глазами, бегающего на тонких ножках по загону навстречу мужику с кувалдой в руках. И почему-то этим мужиком был я.

– Не надо мне стейк, – сказал я. – Принесите какую-нибудь курицу. Она всё равно тупая. Её не жалко.

– В каком смысле? – спросил официант.

– И выпить, – сказал я. – Бутылку ледяной водки. Нет.

Бутылку ледяного виски.

– Аперитив какой-нибудь будете?

– Вот его и буду на аперитив. Всё.

Он ушёл. Я огляделся. Тёлки вокруг были при кавалерах. Я заметил охранника. Стоя у выхода в вестибюль, он смотрел на меня. Что ещё такое? Я посмотрел на него в ответ. Он отвёл взгляд, поблуждал им по залу и вернул его на меня. Я пересел к нему спиной и оказался лицом к эстраде. Несколько музыкантов как раз настраивали инструменты. В голову пришла одна мысль, но я решил пока не торопиться. Вернул-

ся официант с бутылкой виски и стаканом. Я взял бутылку.

– Он тёплый, – сказал я.

– Виски и не должен быть холодным, – ответил официант. – Холодным его не пьют.

– Ладно, сойдёт.

Налив половину в стакан, я немедленно выпил. Горло окатило горячим, потом горячее переместилось в желудок. Хорошо. Я давно не пил хорошего спиртного. Помню, один китаец подарил мне бутылку водки с дохлой змеёй внутри. Водку я выпил, а змею съел. Дрянь оказалась.

Я оглянулся. Охранник ушёл. Это меня успокоило. Он начал действовать на нервы. Может, почувствовал про меня что-то? Как-то прознал, что можно на мне пожить? Я вытащил из кармана бритву и положил перед собой. Только попробуйте, гады, только попробуйте! Свою удачу я буду оборонять изо всех сил. Я выпил ещё. А спустя немного времени ещё раз. Виски подействовал быстро и сильно. Что не удивительно, учитывая, что за короткий промежуток времени я ополовинил бутылку. Вдруг я почувствовал, что не могу держать руки на столе. Стоило положить их перед собой, как они вдруг сваливались мне на колени, словно жили отдельной жизнью от тела. Нужно было сделать передышку. Я убрал бритву и просто сидел, глядя на эстраду, которая медленно расплзалась в разные стороны, двоясь и троясь.

Пришёл официант, поставил тарелки. Вот суп. Выглядел он странно. Будто в миску с ржавой водой накидали очистков

от овощей.

– Это суп? – спросил я.

– Суп, – сказал он.

Я помешал его деревянной ложкой, оглядел так и эдак, собрался уже попробовать, но тут с эстрады заиграла музыка. Какой-то джаз. Звучало вполне прилично, правда саксофонист временами не вытягивал и фальшивил. Я отложил ложку и встал. Стоя, налил себе полный, выпил, дёргая бровями, и вскарабкался на эстраду. Они продолжали играть, не обращая на меня внимания. Я достал деньги и спросил, кто из них главный.

– А в чём дело? – поинтересовался гитарист.

– Хочу спеть. Это возможно?

Он кивнул.

– Можете хоть до утра петь, только платите.

Я сунул ему красненькую пятёрку с тремя нулями.

– Джона Леннона знаете? «Imagine»?

Он опять кивнул.

– А потом Круга. «Владимирский централ». Но сначала Леннон.

– Не вижу никаких проблем.

Гитарист что-то сказал другим музыкантам, и они заиграли. Я немного опоздал со вступлением и первый куплет протараторил быстрее, чем нужно. К тому же простые английские слова стали путаться в голове, я с трудом их выговаривал, половину глотая, а половину рыча. Но всё это было не

важно. Я никогда так не пел, с таким надрывом, с такой душой. Люди в зале, казалось, затаили дыхание. Все смотрели в мою сторону. У меня сбилось дыхание, потекли слёзы. Проклятый саксофонист взял высокую ноту, совершенно не к месту, но я вытянул припев и потом замолк, махнув рукой. Некоторое время они ещё поиграли и тоже умолкли. Кто-то из зрителей похлопал.

– Теперь давай Круга, – сказал я.

Они снова заиграли. А я вдруг напрочь забыл все слова. Пропустив куплет, я прокричал в микрофон часть припева, а потом сполз со сцены. Никто мне больше не хлопал. Чёрт с вами! Я пел не для вас, а для себя. Суп уже остыл, но я всё равно его быстро съел, не почувствовав толком вкус. Слишком опьянел. Перед тем как взяться за второе блюдо, я решил немного отдохнуть и покурить. Это была ошибка. Крепкая сигарета окончательно сшибла мне качан. Я сидел, скрючившись, уронив руки и ничего не соображая. Что я здесь делаю? Зачем вообще сюда приехал? Сколько времени? В кармане зашевелился телефон, но я и не подумал отвечать. Внезапно увидел картину: какой-то тип с острым лицом и маленькими руками заходит в мой номер, идёт в ванную, достаёт из-за трубы сумку, смеясь, качает головой и выходит. Это было то ли озарение, то ли бред. Меня затошнило. Довольно сильно. Этот гадский суп из очистков подступил к горлу и забулькал. Кое-как я встал, чему сам удивился, пересёк зал, не опрокинув по пути ничего из мебели (ещё од-

но чудо), и вошёл в туалет. Суп вылетел из меня, как ракета СС-19 в сторону Вашингтона, и плюхнулся в раковину. Следом полился вискарь. Потом часть обеда, съеденного днём. Стало легче. И одновременно с этим – стыдно. Как малолетка, ей-богу! Надо выбираться отсюда поскорее. Где-то я прокололся. Ничего удивительного. Так долго вёл растительную жизнь, что попытка взбодриться окончилась провалом.

Вдруг я почувствовал, что кто-то стоит у меня за спиной. Нашупав в кармане бритву, я медленно повернул к нему мятое, перепачканное лицо. Это был охранник. Он стоял у двери, сунув руки в карманы штанов.

– Здорово, Игорь! – сказал он.

Я пригляделся, но ничего не высмотрел. Его лицо расплывалось.

– Какого хрена? Я тебя не знаю.

Я включил воду, смыл в канализацию рвоту и ополоснул лицо.

– Брось, – ответил он. – Ты что? Это же я, Гена Мохов, Махно в смысле. Забыл?

Он засмеялся. Смех я узнал. Всё такой же дебилый. Как-то в ПТУ мы надышались дихлофосом. Я ничего не чувствовал, кроме тошноты и отупения. А Махно лёг на пол и стал гоготать, дрыгая ногами. И тут я понял, что он притворяется.

– А я смотрю, лицо-то знакомое. А когда ты запел, сразу и срисовал, что это ты. Помнишь, как ты пел на дискотеке? А

как Костя-Топор тебя отпиздил, помнишь? Когда ты уронил в унитаз его «Зиппо». Ну, помнишь?

– Погоди-ка...

Из меня полилось по второму разу. На этот раз пена. Когда всё закончилось, я почувствовал себя лучше, смог распрямиться и разглядеть старого приятеля.

– Хорошо выглядишь, – сказал Гена. – На чем так приподнялся? На рыбе, что ли? Или на японских тачках?

– Есть места, – ответил я, вытирая рот рукавом.

– А я видишь где, – сказал Гена смущённо. – Ирония судьбы, мать её!

Он изменился. Лицо постарело, а в глазах появилось выражение как у зверька, который угодил в капкан.

– Как же тебя сюда взяли? – спросил я. – Хозяин тебя не запомнил?

– Столько лет прошло, – махнул рукой Гена. – К тому же, я здесь от охранной фирмы, а хозяин в ресторане давно поменялся.

Мы вышли из туалета.

– Пойдём, посидим, – сказал я. – Вискарь ещё есть.

– Ты что, – засмеялся Гена. – Я же на работе. Может, когда смена закончится?

– Посмотрим, – ответил я и один вернулся за свой стол.

Есть не хотелось. Пить тоже не хотелось. Я решил вернуться в гостиницу. Меня немного беспокоило, что деньги лежат без присмотра. Тут опять в кармане зажужжал мо-

бильник. Номер был всё тот же, незнакомый. Я сбросил звонок и выключил телефон. Подозвал официанта и попросил счёт. Он вернулся с маленькой папочкой, в которой лежал чек. Не знаю, обсчитали меня или нет, но счёт был внушительный. Бедняк внутри меня аж завопил от возмущения. Но я его приглушил.

– То, что не съели, можно положить в пакет, взять с собой, – сказал официант.

– Я что, похож на лоха? – спросил я.

– Нет, что вы. Но так многие делают.

– Я возьму только вискарь.

Заплатив по счёту и оставив приличные чаевые, я вышел из зала с бутылкой в руке. Гена расхаживал у входа. Увидев меня, он смущённо помахал рукой.

– Уходишь? – спросил он.

– Да, дела есть, – ответил я.

Не то чтобы я был совсем не рад его видеть, просто он мне оказался неинтересен. Что он мог мне дать? Ещё вчера я, наверное, повёл бы себя иначе. Раскрутил его на выпивон, закинул удочку насчёт более приличного трудоустройства, в конце концов, загрузил бы ему мозги по поводу своей глупой жизни. А теперь что? Что?

– Покурим, может? – сказал Гена.

– Ну, давай.

Мы вышли на улицу и закурили. Потом я предложил ему хлебнуть, и Гена, быстро оглядевшись, мощно соснул из бу-

тылки.

– Слушай, а правда, чем ты занимаешься? – спросил он. – Может, к тебе можно перейти как-то?

Я поглядел на него, будто бы на себя вчерашнего.

– Понимаешь, – добавил Гена, – я тебе кое-что скажу. Я восемь месяцев назад освободился. Никуда не устроиться. Кое-как приткнулся сюда, без оформления. Платят копейки. Живу с одной бабой. У неё квартира. Я как в клетке. Всё ищу свой шанс.

– Оставь мне номер, – сказал я.

Гена суетливо обшарил карманы, нашёл блокнот, ручку и записал свой номер телефона.

– Позвоню на днях, – сказал я.

– Спасибо, – ответил он.

Мы ещё немного постояли, а потом попрощались, и я пошёл ловить машину с чувством, будто обокрал слепого попрошайку.

По пути в гостиницу я допил вискарь, выбросил в окно бутылку и почувствовал, что опять опьянел. Казалось, машина едет боком. Мне хотелось положить голову на плечо водителю. Он всю дорогу помалкивал. А потом заложил небольшой крюк и каким-то образом вырулил прямо к входу, так что мне не пришлось идти через пустырь. Это было хорошо. Я бы наверняка извозился в грязи. Расплатившись, я вылез из машины и немного отдышался. Было начало одиннадцатого. Мимо шла стая собак. Всё тот же пёс-медведь в авангарде и облезлая шавка в хвосте. Я зачем-то свистнул и захохотал. Стая остановилась. Огромный пёс повернул ко мне мохнатую голову со светящимися глазами и зарычал. Стараясь не делать резких движений, я прокрался к двери и заскочил внутрь. У стойки регистрации стояли две девицы, похожие на спившихся старшеклассниц, и разговаривали с администраторшей. Увидев меня, она помахала рукой и кивнула на девиц. Девочки, так? Как их? Марина и Таня? Или Катя и Света? Я снова был достаточно пьян, и даже блевать не хотелось, но эти девицы не вызвали у меня большого энтузиазма. Наверняка, они сидели на «винте» или даже на «крокодиле». А мне такое не по душе. Я всегда любил здоровых и порядочных женщин. Ну, относительно порядочных.

Я попытался пройти мимо, но администраторша уже вы-

лезла из своей конуры и подскочила ко мне.

– Ну что же вы, – сказала она. – Вас тут ждут, а вы...

– Сегодня не получится. Я, кажется, заболел, – ответил я, обдавая её перегаром.

– По-моему, для этого дела у вас сейчас самое подходящее состояние, – сказала она.

– Завтра, ладно? – сказал я.

– Но как же так, – растерянно моргнула она.

Чтобы отвязаться, я порылся в карманах пальто, достал несколько купюр и сунул ей в руку. Рублей триста, не больше. Подавись, ведьма.

Я поднялся в номер, запер дверь и сразу зашёл в душевую. Сумка лежала на месте. Я заглянул внутрь. Потом снова зачихал её за трубу, вернулся в комнату, снял пальто и лёг на кровать. Хотелось курить, но я опять забыл купить сигареты. Какая-то нелепость – деньги летят направо и налево, на всякую фигню, например, чтобы замаслить старую ведьму, а про главное забываю. Я попытался подсчитать, сколько всего спустил в течение дня, но пьяная голова плохо соображала. Тем не менее я знал, что, как ни верти, а денег у меня ещё полно. Целая куча. Огромная куча. Можно по второму разу ими подтереться, и всё равно я останусь богачом.

В дверь постучали. Я слез с кровати и пошёл открывать, держа бритву наготове. В этом гадюшнике можно было ждать любой подлости.

– Кто там?

В ответ раздалось какое-то шебуршание и сдавленный смех.

– Уже поздно. Я сплю.

Стук повторился. Я открыл, спрятав бритву за спину. На пороге стояли две девицы. Одна была светленькая, зеленоглазая, с небольшой родинкой на верхней губе. Другая – рыжеволосая, с усталым, неприметным лицом.

– Можно к вам в гости? – спросила светленькая. И, не дожидаясь ответа, зашла в номер. Рыжая пару секунд помялась и последовала за подругой.

– Ладно, чего уж, – пожал я плечами и закрыл дверь.

– Меня зовут Марина, – сказала светленькая, оглядываясь. – А это Света.

Я спрятал бритву в карман брюк.

– Входите, входите.

Мне стало интересно. Я вдруг представил, как ебу их по очереди, и почувствовал лёгкий холодок внутри.

– Мы не сильно вас потревожили? – спросила Марина.

Она села в кресло и закинула ногу на ногу. На ней был надет дешёвый китайский пуховик, мини-юбка, чёрные колготки и полусапожки на шпильке.

– Нам Нина Леонидовна сказала, что вы очень стеснительный.

– У вас сигареты есть? – спросил я.

Рыжеволосая Света молча достала тонкую пачку дамских сигарет и протянула мне. Я взял одну, похожую на зубочист-

ку, и закурил.

– Так что, девочки, сколько вы берёте? – спросил я, сунув руки в карманы.

Девицы переглянулись.

– По штуке на нос за два часа. А если на всю ночь, то по три, – сказала Марина.

– А вы только в паре работаете? – поинтересовался я.

– А ты что, боишься не справиться?

Я засмеялся.

– Хорошо бы выпить, а?

– Это можно, – сказала Марина. – Угостишь?

– Дело в том, что у меня ничего нет. Никто не хочет сбегать?

Они снова переглянулись.

– Ну можно, наверное. Тут поблизости есть круглосуточный лабаз, – сказала Марина.

Всё это время говорила только она. Её рыжая подруга молчала. Я достал деньги и вручил ей.

– Возьми выпить и сигарет.

На секунду я задумался.

– Сдачу можешь оставить себе.

Это не произвело на неё никакого впечатления. Сунув деньги в карман, она молча вышла из номера. Я подошёл к Марине, наклонился, и мы стали целоваться. У неё был прохладный, безвкусный рот. Целовалась она умело, но бездушно. Наверное, этим ртом она отсосала не один десяток

членов. Мы целовались около минуты, потом я оторвался и спросил:

– А чего твоя подруга молчит всю дорогу?

– Ей плохо. Приболела.

– Понятно. На чем она сидит? На «винте»? «Крокодиле»?

– Она на спидках. А я ни на чем. А что?

– Да так, беспокоюсь. Не хочу ничего подцепить.

– Не волнуйся, ничего не подцепишь. Мы чистые.

Марина скинула пуховик, подтянула рукава кофточки и показала мне руки.

– Видишь?

Я осмотрел её вены. Чистые.

– Доволен? – спросила она.

Мы снова поцеловались. Но на этот раз поцелуй длился совсем недолго.

– Я хочу в душ, – сказала Марина.

– Валяй, – ответил я. – Полотенце в шкафу.

Она начала снимать одежду. Я смотрел на неё и поглаживал себя через карман брюк. Марина разделась до трусов и ушла в ванную. У неё было худощавое тело, с выпирающими лопатками и маленькой попкой. Это придавало ей странную болезненную сексуальность. Мне хотелось выпить. Где там ходит её подруга? Внезапно возникло желание сделать какую-нибудь безумную вещь. Я достал телефон, включил. Напишу Ларе эсэмэс: «Я ебу двух шалав». Но эсэмэс пришло мне. Четырнадцать пропущенных вызовов. Всё тот же

незнакомый номер. Я убрал телефон и лёг на кровать.

Вскоре пришла Света с пакетом и выложила на кровать покупки: водка, пиво, вино, газировка, чипсы, шоколад, колбаса, хлеб, сыр, помидоры.

– А сигареты где? – спросил я.

– Вот чёрт! – ответила она растерянно.

Голос был приятный. Никаких блядских прокуренных интонаций.

– Иди-ка сюда.

Я взял её за руку, подтянул к себе и уложил на кровать. Попробовал поцеловать, но она отвернулась. Я слегка стиснул ей подбородок, но она сжала губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.